

Черных Владимир Дмитриевич

ПРИОРИТЕТЫ ДУХОВНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ НРАВСТВЕННЫХ ПРИНЦИПОВ МОСКОВСКОЙ РУСИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРУЖКА РЕВНИТЕЛЕЙ ДРЕВНЕГО БЛАГОЧЕСТИЯ (В XVII В.)

Статья рассматривает историю создания и деятельности кружка ревнителей древнего благочестия, существовавшего в 40-60-е гг. XVII в., его цель, задачи, состав, конкретные мероприятия, значение и роль ревнителей древнего благочестия в церковной и общественной жизни России XVII в. Особое внимание уделяется рассмотрению особенностей взаимоотношений участников кружка с государственной властью.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/12-3/43.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (50): в 3-х ч. Ч. III. С. 181-186. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

6. **Маслобоева О. Д.** Российский органицизм и космизм: теория, методология. Мировоззрение // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 10. Ч. 3. С. 132-138.
7. **Московченко А. Д.** Русский космизм. Глобальные проблемы XXI века // Вестник Российского философского общества. 2009. № 4 (52). С. 133-139.
8. **Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология».** 2013. Т. 26 (65). № 5. С. 166-173.
9. **Федоров Н. Ф.** Философия общего дела: в 2-х т. М.: АСТ, 2003. 592 с.
10. **Философия Серебряного века.** М.: Паритет, 2009. 320 с.
11. **Хабибуллина З. Н.** Значение идей русского космизма в современном обществе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14). Ч. 4. С. 208-211.
12. **Хабибуллина З. Н.** Преобразовательно-деятельная философия Н. Ф. Федорова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (42). Ч. 1. С. 189-192.

THE RUSSIAN COSMISM IN CONTEMPORARY WORLD VIEW INTERPRETATION

Khabibullina Zilya Nailovna, Doctor in Philosophy, Associate Professor
Bashkir State University
Habibullina_Z@mail.ru

The article considers the religious and scientific aspects of the Russian cosmism world view by the example of the philosophy of N. F. Fedorov and V. I. Vernadsky. This school has a special place at the present stage of development associated with changes in the system of value orientations and world view search. The holistic understanding of problems based on the unity of all the forms of human knowledge allows the thinkers of the Russian cosmism to generate the synthetic-integrative vision of the world.

Key words and phrases: the Russian cosmism; world view search; religion; science; value orientations.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

Статья рассматривает историю создания и деятельности кружка ревнителей древнего благочестия, существовавшего в 40-60-е гг. XVII в., его цель, задачи, состав, конкретные мероприятия, значение и роль ревнителей древнего благочестия в церковной и общественной жизни России XVII в. Особое внимание уделяется рассмотрению особенностей взаимоотношений участников кружка с государственной властью.

Ключевые слова и фразы: Православная Церковь; взаимоотношения государства и Церкви; ревнители древнего благочестия; боголюбцы; патриарх Никон; патриарх Иосиф; Аввакум; Иоанн Неронов; церковная реформа; многогласие.

Черных Владимир Дмитриевич, к.и.н.

Воронежский государственный университет инженерных технологий
Cher_Vladd@rambler.ru

ПРИОРИТЕТЫ ДУХОВНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ НРАВСТВЕННЫХ ПРИНЦИПОВ МОСКОВСКОЙ РУСИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРУЖКА РЕВНИТЕЛЕЙ ДРЕВНЕГО БЛАГОЧЕСТИЯ (В XVII В.)[©]

Со времени принятия на Руси христианства история Русской Церкви стала неотделима от истории Русского государства. Православная Церковь всегда старалась заботиться о нравственном совершенствовании человека, однако нравственно-аскетическое направление учения наталкивалось на материально-хозяйственные и административно-управленческие мотивы церковной деятельности. Невозможно было сохранить автономность от государственного аппарата в части хозяйственной деятельности, поэтому проблема взаимоотношений Церкви и государства оставалась актуальной. На протяжении всей русской истории происходили постоянные попытки подчинения Церкви государственной власти, стремление сделать Церковь инструментом государственной политики, встроить в государственную систему учреждений [24, с. 198].

В XIV-XV веках начинается переход от древнерусского типа мышления к новоевропейскому. Высшая точка этого периода приходится на XVI век, а к концу XVII века происходит сближение и взаимопроникновение двух типов мышления [13, с. 23-28]. Проблема церковно-государственных отношений наиболее остро проявила себя в период усиления самодержавного начала в Московском государстве XVII в. Стратегической составляющей политики русского правительства было стремление подчинить церковное руководство системе государственной централизации. Московская Русь видоизменяла принципы и механизмы своего государственно-политического устройства и церковно-государственного взаимодействия, последовательно проникая

в церковное управление, нередко вмешиваясь во внутренние церковные вопросы [22, с. 210]. Происходила активизация государственной политики, направленная на систематизацию и усиление помощи Русской Церкви в деле реформирования нравственных принципов, однако не всегда эта помощь была полезной из-за несовпадения целей политики государственной власти и церковной иерархии [23, с. 202].

Кроме системы церковных мер по нравственному очищению русского общества, проводимых со стороны высшего церковного руководства, довольно организованным было движение простых священнослужителей и просто активных мирян. Так, на правление патриарха Иосифа (1642-1652) пришел расцвет деятельности организованной группы священнослужителей, стремящихся к нравственному очищению общества, и ведущих представителей культурного общества столицы, которые стали известны как «боголюбцы» – участники кружка ревнителей древнего благочестия. Время их становления приходится на 1647-1648 годы.

Ревнители попытались решить труднейшую нравственную задачу – обновить христианские ценности в обществе, пережившем Смуту, и сплотить вокруг этих ценностей общество. Они стремились придать новый импульс религиозно-нравственной жизни, жаждали совместить ее с религиозным просвещением и образованием, открыть возможность общения со всем православным миром. Необходимо признать, что эта попытка оказалась неудачной. Да она и не могла оказаться иной при тех способах и средствах, которыми пользовались ревнители. Стремительно приближались времена иных, светских ценностей, и создание переходной модели оказалось связанной с необратимыми противоречиями, чем и явился впоследствии церковный раскол [22, с. 211]. Все участники кружка были твердо преданы Церкви и являлись подлинно верующими людьми, для которых вера была частью как частной жизни, так и государственной деятельности, и основы которой они стремились провести во все сферы жизни: личную, общественную, культурную, деловую. Кружок был неоднороден по своему составу, но настолько крепко сплотил своих участников, что они стали одной из ведущих сил последующей церковной реформы. Несмотря на несхожесть характеров и разнородность социального состава, всех кружковцев объединяли горячая вера и желание изменить в лучшую сторону положение Русской Церкви. Рассмотрим в качестве примера обстоятельства жизни и деятельности одного из видных участников кружка – Ивана (Иоанна) Неронова. Судьба этого священнослужителя является показательной и похожей на судьбы остальных кружковцев-священников. Все они родом из глубинки Руси, из бедных незнатных семей, с фанатичной верой и надеждой на возможность изменения нравственного состояния народа, с решимостью пожертвовать ради истины в их понимании дружбой и даже жизнью, как своей, так и своих идеологических противников.

По данным жития, Неронов родился в 1590 г. в поселении около скита св. Спаса «на Лому», в «шестидесяти поприщах» от Вологды [8, с. 253]. Во времена Смуты погибает родня Иоанна, и тот вынужден отправиться в Вологду, где происходит первое его столкновение с нарушением церковного благочестия в инциденте с ряжеными. Через некоторое время уже причетником в с. Никольском Иоанн обличает местное духовенство и прихожан за «пьянства и многое бесчиние» [Там же, с. 255]. Изгнанный в результате идеологических расхождений, Иоанн понял, что борьба за нравственное совершенствование народа невозможна в одиночку, без поддержки образованного монашества и духовенства. Поэтому в начале 1620-х гг. он появляется в Троице-Сергиевой Лавре у знаменитого архимандрита Дионисия, который и помог Неронову познакомиться как с творениями великих вселенских святых, так и с представителями интеллектуальной элиты Московской Руси. На формирование его взглядов особенно повлияли учения великого отца Церкви св. Иоанна Златоуста, св. Максима Грека и Савонаролы. Проповедь св. Иоанна Златоуста, особенно сильно обличавшая нравственные пороки общественной жизни, находила горячий отклик у юного Иоанна. В творениях св. Максима Грека Неронов находил ответы на вопросы, непосредственно волновавшие русский народ в середине XVII века, – о конце света, приходе Антихриста, уровне общения православного мира с инославием и т.д. Ему близки были твердый упор этого святого на веру, отрицание любого сомнения в истинности учения Церкви и обличение философских учений, противоположных христианству. Например, о философях св. Максим говорил, что они заблуждаются, занимаясь не внутренней, данной от Бога философией, а формальными, диалектическими приемами; что они не считают с догматами, если только догматы не доказываются классическими силлогизмами [14, с. 217]. Одновременно с теоретическими знаниями в это время Иоанн Неронов получает уроки практического благочестия и твердости в вере от архимандрита Дионисия, который являл собой, по свидетельству исследователей, образец христианского смирения, любви и всепрощения [17, с. 88-89]. В это же время происходит расширение кругозора Иоанна благодаря как обширным знакомствам его наставника, так и бесконечному потоку стекавших к нему в Лавру богомольцев, приносящих рассказы о положении восточных и греческих христиан, о событиях в Польше, об эсхатологических и мессианских легендах простого народа. Все это, несомненно, повлияло на мировоззрение Неронова, укрепив его решимость отдать все свои силы делу защиты православия.

Спустя некоторое время Неронов становится священником и служит на бедном приходе Нижнего Новгорода. В Нижнем же Новгороде будет происходить и служение протопопа Аввакума – еще одного активнейшего участника кружка и, впоследствии, идеолога русского церковного раскола [24, с. 198]. Между тем, Иоанн Неронов продолжает свои обличения пороков общества, что является причиной недовольства им со стороны священства и части населения. Далеко не в последний раз проявляются его фанатичная вера и твердость в отстаивании своих позиций, которая впоследствии явится определяющей в противостоянии с высшей церковной властью в лице патриарха Никона. Неронов возрождает забытое во время татаро-монгольского нашествия правило провознесения проповедей, как в стенах храма, так и вне его [15, с. 257-258]. Кроме моральной поддержки, он активно проводит социальную политику, организуя помощь бедным и больным; с помощью прихожан создает приют для странников, готовый принять до ста человек нуждающихся. При храме организуются школа и кружок социально-христианской работы [10, с. 89]. Горячность и бескомпромиссность молодого проповедника приводят

к ссылке в северный монастырь св. Николая Карельского, однако не меняют твердости в убеждении собственной правоты. Примером этого служит то, что после своего освобождения Неронов продолжает пастырскую деятельность, более того, у него появляются последователи из числа как духовенства, так и мирян [15, с. 260, 265]. При патриархе Иоасафе Неронов с новгородскими священниками уже осмеливается указывать тому на разлад и нестроения церковной жизни. Одновременно или вслед за этим по всей стране раздаются голоса, требующие от епископата перемен в обрядовой и канонической жизни Церкви, усиления нравственности духовенства и запрета многогласия, приближения не на словах, а на деле к идеалам христианства [10, с. 93].

Число боголюбцев быстро росло в провинции. Среди них – протопоп Аввакум, служащий сначала в селе Лопатище, под Нижним Новгородом, впоследствии из-за резких проповедей и обличений вынужденный перебраться в Юрьево. В Костроме выделяются своей деятельностью протопоп Даниил и настоятель Богоявленского монастыря Герасим [5, с. 486]. В Романове – Борисоглебске – священник Лазарь, в Муроме – протопоп Логгин, в Ярославле – протопоп Ярмил, в Темникове – протопоп Даниил [10, с. 108]. В Троицком, Суздальском и Печерском монастырях программу духовного возрождения проводили архимандриты Адриан, Иосиф и Тихон; в Макарьево-Желтоводской обители – игумен Илларион (впоследствии архиепископ Рязанский) [19, с. 179]. Движение, начатое Нероновым, относится к новым по характеру попыткам церковной реформы, оно не было организовано «сверху», а явилось выражением чаяний низов духовенства, наиболее твердой и искренней ее части. В столице это движение получило поддержку представителей тогдашней элиты, включая и молодого Алексея Михайловича. В 1648 г. царем даже был издан особый указ, согласно которому игрища скоморохов запрещались как не отвечающие христианской морали, а маски и музыкальные инструменты подлежали уничтожению. По свидетельству одного из иностранцев – Олеария, в Москве сожгли 5 возов инструментов [11, с. 424]. Впоследствии в положениях Соборного Уложения 1649 г. мы встречаем уже систематизированное мнение о благочинии и правильном церковном поведении. Так, особое внимание уделено благочинию церковных служб. Поднимая авторитет богослужения, государство приравнивает разговоры в церкви к «бесчинию» и определяет строгое наказание в виде штрафа [22, с. 211]. Надо сказать, что такая политика нашла отклик в сердцах участников кружка благочестия – они вели форменную войну со скоморохами [16, с. 79]. А протопоп Аввакум, активнейший участник боголюбцев в провинции, сам признается в своем Житии о такой борьбе в Нижнем Новгороде, когда он был простым попом приходским: «Приидоша в село мое плясовые медведи с бубнами и домрами – и я... ревнуя, изгнал их, и хари и бубны излома на поле един у многих и медведей двух великих отнял – одново ушиб и паки ожил, а другова отпустил в поле» [11, с. 62]. Вскоре Аввакум перебирается в Москву, где встречается с протопопом Стефаном Вонифатьевым и Нероновым, к тому времени по протекции Стефана служащего в Кремле. Стефан Вонифатьев также принадлежит к числу активных кружковцев и является примером столичных ревнителей. Неизвестны точная дата и место рождения будущего духовника царя. Одни исследователи называют Новгород, другие – Нижний Новгород [3, с. 141]. Неизвестно, как, когда и каким образом С. Вонифатьев оказался в столице. Известно только, что в 1645 году он – царский духовник [21, с. 253]. По своим убеждениям Вонифатьев был грекофилом, как впоследствии и Никон, но Стефан не разделял амбициозность и властолюбие Никона. В дальнейшем, видя обострение внутрицерковной борьбы, Стефан отходит от активных дел, а в 1653 году основывает Зосимо-Савватиевскую обитель в Москве и принимает там постриг.

Будучи людьми образованными, участники кружка ревнителей прекрасно видели необходимость повышения образовательного уровня духовенства, которое должно было научиться произносить живые, доходчивые церковные проповеди. Отсутствие живого слова в церквях приводило к низкому духовному и нравственному уровню прихожан, отсутствию христианского воспитания народа. Учительство – обязанность духовных пастырей наряду с исполнением богослужений – было совершенно запущено. Важным шагом к совершенствованию нравственного облика священнослужителей и прихожан было открытие образовательного учреждения и Печатного двора.

Потребность в учебном заведении ощущалась давно. Еще Филарет просил константинопольского патриарха Кирилла Лукариса прислать ученого «дидаскала», но начало Смоленской войны и последующая смерть Филарета не позволили реализовать замыслы. Попытки привлечь греков оканчивались неудачей по причине незнания последними славянского языка, поэтому ревнители обратили свои надежды к образованному киевскому монашеству [20, с. 182-183]. Однако эти попытки встретили в Москве настороженно, обвиняя «дидаскалов» в латинстве. Одновременно с этими попытками стараниями Вонифатьева была открыта греко-латинская школа при государевом Печатном дворе. Именно благодаря ревнителям был придан новый импульс книжному делу.

Кроме просветительской деятельности Вонифатьев занимался подбором образованных кадров из провинции. Именно он пригласил в Москву Неронова, который вскоре прославился своими проповедями, явившимися новаторским шагом талантливого протопопы, ибо до второй половины XVII века в Церкви не было общественных поучений, нравственные беседы проводились только наедине [9, с. 37]. Сюжеты, взятые из повседневной жизни, были близки народу, находили горячий отклик, и в чем-то Неронов повторил принцип проповеди основателя христианства – Иисуса Христа, который для возвещения духовных истин заимствовал сюжеты и образы повседневности. Еще одним новаторским приемом попытки общественной проповеди, введенным для расширения возможности дойти до каждого, были изображения духовных сюжетов на стенах храма: «написа окрест стены святыя церкви поучительные словеса, да всяк от народа приходяй к церкви, аще и кроме пения, не простирает ума своего на пустошныя мира сего, но да прочитает написанныя на стенах и пользу душе преемлет» [12, с. 23]. Написанием проповедей занялись также такие известные деятели как Епифаний Славинецкий и Евфимий Чудовский [16, с. 40]. Таким образом, мы видим, как на переломе культур – от Средневековья к Ренессансу – происходят перемены: вместо диалога духовника и исповедующего звучит сначала монолог пастыря, затем появляются пастырские послания.

Кроме священнослужителей, в столице активными участниками кружка становятся видные государственные мужи, что, несомненно, свидетельствует о признании со стороны властей необходимости реформы и желании провести ее «сверху», под контролем государства. Наиболее яркими представителями входивших в кружок светских лиц, приближенных к царю, являлись Ф. М. Ртищев и А. Л. Ордин-Нащокин. Обе эти фигуры государственных служащих интересны и показательны как фигуры образованных христиан того времени.

Ф. М. Ртищев, очевидно, был искренне верующим христианином, стремящимся на деле реализовать нравственные религиозные принципы, о чем свидетельствуют многие обстоятельства его жизни: отказ принять благодарность за воспитание царевича, способность и желание всех примирить, найти компромиссные решения, быть «печальником» перед Алексеем Михайловичем за всех обиженных, умение прощать личные обиды [4, с. 247]. Он помогал иностранным пленникам, жившим в России, на свои средства выкупал русских пленных у татар и оказывал помощь узникам в тюрьмах. В Москве при нем организовали богадельню и приют для пьяных, которых собирали на улицах города, там они содержались до протрезвления [4]. Видя общественную необходимость для нужд города, Ф. М. Ртищев подарил жителям Арзамаса часть своих земельных угодий, несмотря на то, что покупатели предлагали за них 14 тысяч рублей. В 1671 году в голодающую Вологду он отправил обоз с хлебом. Перед смертью Ф. М. Ртищев отпустил всех своих дворовых людей на волю [Там же].

А. Л. Ордин-Нащокин (1605-1680) родился в семье псковского дворянина, получил хорошее домашнее образование. Юность прошла на военной службе, в 1640 году он переводится на дипломатическую, где проявился его талант нахождения взаимоприемлемых для противников решений. По своим убеждениям Ордин-Нащокин был, безусловно, западником, он всячески стремился интегрировать российскую экономику в мировую, прямо говорил о необходимости учиться у Европы. Однако на склоне лет А. Л. Ордин-Нащокин поступает так, как и многие знатные люди того времени, – принимает монашество [1, с. 35; 2, с. 19, 321].

Итак, после переезда Неронова в Москву и поддержки кружка Алексеем Михайловичем голос ревнителей становится все громче. Он слышен в указах марта 1647 года и декабря 1648 года, по которым запрещались работа в праздничные и воскресные дни, игра в карты, зернь и шахматы, предписывалось «ходить в церковь, слушать службы, пение и поучения со страхом и всяким благочестием» [18, с. 6, 8, 13-14].

В середине XVII в. ситуация с разночтениями в богослужебных обычаях и текстах Русской и Греческой Церкви осложнилась политическими амбициями государства, требования провести реформу усиливались. Однако реформирование упиралось в неразрешимые споры, по каким источникам (русским или греческим и древним или современным) проводить исправление текстов. Формальной причиной реформы стало накопившееся к XVII в. множество разночтений в русских богослужебных книгах по сравнению с греческими. Растущее церковное самосознание русского народа и царской власти не могло более мириться с укорами, которые раздавались от восточных иерархов, приезжавших за милостыней. И это было особенно обидным в преддверии того, что Русь, как казалось многим, вскоре станет центром мирового православия [24, с. 199-200].

Необходимость реформы была всем понятна, но предстояло решить, каким образом ее провести. Один из путей был подсказан Стоглавым Собором 1551 г., на котором закрепили сложившиеся обряды и действия, приведя их хоть к какому-то единообразию. Мерилом являлись зачастую древность обряда, повсеместность его употребления и соответствие богословской практике. Следовательно, одним из путей исправления богослужебных книг и упорядочения церковнообрядовой практики было сравнение богослужебных книг XVII в. с древними славянскими книгами, не искаженными последующей перепиской, и внесение в книги XVII века необходимых поправок. В отношении же обрядов в этом случае следовало придерживаться общей практики, закреплённой на Стоглаве. Другой возможный путь – исправление русских книг по греческим образцам и внесение в обрядовую практику изменений в соответствии с практикой Греческой Церкви.

Оба направления имели своих последователей и оппонентов. Во время патриаршества Иосифа справщики Печатного двора пришли к выводу, что «справу» следует делать по греческим книгам. Для этого нужно было привлечь образованных людей, хорошо знающих греческий и славянский языки с их филологическими особенностями. Такого же мнения был и престарелый патриарх Иосиф. Эти взгляды разделяло и правительство в лице царя Алексея Михайловича.

Другой, противоположной точкой зрения была та, которую поддерживала большая часть участников кружка ревнителей древнего благочестия. Особенно рьяно требовали реформы провинциалы, к которым примыкали иерей Иоанн Неронов, дьякон Федор Иванов и вначале Никон [10, с. 348-349]. Эта группа считала необходимым и единственным правильным провести справу книг и обрядов по старым русским редакциям, в соответствии с решениями Стоглавого собора. Расхождения с византийскими книгами объяснялись ими искажением греческой веры «папскими» ересями вследствие унии и утратой политической, а вследствие этого и религиозной независимости.

Надо отметить, что не все участники кружка придерживались такой позиции. Так, например, С. Вонифатьев и Ф. М. Ртищев следовали мнению сделать «справу» по греческим образцам. Алексей Михайлович поддерживал устремления ревнителей, однако считал необходимым проводить исправление по греческим оригиналам, ибо только этим путем можно было сломить децентралистские стремления некоторых представителей церковного руководства, убежденных в «чистоте», неповрежденности и безусловной правоприменности русских церковных обрядов и текста богослужебных книг. На мнение царя оказали существенное влияние политические мотивы – пресловутое всеправославное царство во главе с православным монархом [Там же]. Постепенно убеждаясь в неудовлетворительном качестве древних переводов, кружковцы пришли к мысли о необходимости вновь перевести Библию с греческого языка на славянский. Но работа не была проведена по причине отсутствия переводчиков. Решено было обратиться за помощью в центр тогдашнего духовного образования – в Киев. Откуда в 1649 г. прибыли знатоки греческого и латинского языков – Елифаний Славинецкий – инок Киево-Братского монастыря, Дамаскин Птицкий – инок Киево-Печерской Лавры и Арсений

Сатановский. В это же время в Москве под руководством Ф. М. Ртищева основывается школа, где около 30-ти киевских монахов учили желающих греческой и славянской грамматике, риторике и философии. Эти же монахи принимали участие в правке книг. Однако именно участие монахов-малоросов в «книжной справе» вело к подозрению со стороны некоторых кружковцев в еретических течениях, идущих через справщиков из Киева. Распространение латинской унии и польского влияния на Западной Руси подвергало сомнению чистоту православия киевского духовенства. Одновременно с сомнением чистоты православия у киевских справщиков, такое же сомнение было относительно греческого духовенства, которое, оказавшись под мусульманским гнетом и приняв Флорентийскую унию, не могло, по мнению «ревнителей», сохранить в чистоте вероучение и обряды Греческой Церкви. Одновременно с попыткой изучения греческого опыта Алексей Михайлович пытался найти самостоятельный путь развития Церкви. Проводимые патриархом Иосифом церковные исправления казались царю недостаточными и малоэффективными, поэтому он, будучи членом кружка ревнителей, с радостью брал на себя руководство церковными вопросами. Одним из первых решений царя стала попытка введения единогласия.

Однако первая попытка повсеместного введения единогласия не увенчалась успехом. Собор 1649 г., на котором Алексей Михайлович повелел поставить вопрос о введении повсеместного единогласия, проголосовал против желания царя. Участники говорили, что «лучше умереть, но к единогласию руки не прикладывать» [6, с. 5]. Кроме того, состав участников собора в количестве всего 29 человек был подобран чиновниками церковных канцелярий таким образом, что ни один сторонник единогласия официально в нем не участвовал. В частности, не пригласили сторонников единогласия Серапиона Суздальского и Варлаама Вятского. Решение собора вызвало негодование боголюбцев и привело даже к открытому противостоянию Стефана Вонифатьева с участниками собора [10, с. 113-117].

Несмотря на отказ собора утвердить предложенное царской властью постановление, Алексей Михайлович разослал по всем городам и монастырям «государевы указные грамоты», в которых предписывалось петь единогласно. Затем, вслед за царскими указами, были разосланы распоряжения патриарха Иосифа епархиальным архиереям с сообщениями о царской воле [2, с. 485-486]. Некоторые исследователи говорят о нежелании самого патриарха поддержать инициативу Алексея Михайловича, именно так объясняется написание специального послания Иосифом константинопольскому патриарху с вопросом о единогласии [18, с. 25]. Однако это могло быть вызвано и желанием апеллировать к Вселенской Церкви как средству воздействия и аргументации перед священнослужителями, отказавшимися подписывать утверждение единогласия.

Неудача в деле о принятии единогласия не остановила воли царя. На соборе 1651 г., рассмотревшем поданный Алексеем Михайловичем список вопросов, касающихся церковного благочестия, одним из первых стоял вопрос о единогласии [7, с. 56]. В отличие от предыдущего собора, вопрос о единогласии был решен положительно, о чем сообщалось в специальной грамоте [2, с. 488]. Таким образом, руководившие в последние годы правления патриарха Иосифа духовной жизнью народа боголюбцы получили государственную поддержку. Однако консенсуса с властью у представителей этого направления не могло возникнуть из-за отсутствия единоначалия в кружке и единого мнения относительно вектора развития Русской Церкви и русского общества [23, с. 203]. В умах и сердцах православных созрела мысль о подтверждении исключительности своей страны и ее миссии быть центром православия, однако все видели реализацию данной идеи зачастую в диаметрально противоположном.

Итак, несомненным является факт видения в XVII в. различными представителями русского общества необходимости обновить христианские ценности в русском обществе, сплотить вокруг этих ценностей все сословия на принципах христианской морали и нравственности. Кружковцы видели реализацию задуманного исключительно в возрождении нравственных ориентиров древнерусского христианства, однако не смогли найти приемлемое для всего общества решение по реализации механизма реформы приведения церковных обрядов на Руси в соответствие с обрядами Вселенской Церкви. Видя бесплодность попыток и стремясь к ускоренному решению вопроса, в дело реформирования вмешалась государственная власть в лице Алексея Михайловича, что впоследствии привело к проникновению государства в церковное управление, распределение финансовых потоков и вмешательство во внутренние церковные вопросы. Принимая решения по вышеперечисленным проблемам церковного управления, государственная власть заменяла принципы церковной соборности собственными единоличными решениями, руководствуясь государственными нуждами и интересами. В результате была подготовлена почва для последующего лишения Православной Церкви своей главы в лице патриарха и перехода к управлению через Святейший Синод и его обер-прокурора – государственного чиновника, назначаемого царской властью и ответственного перед ней.

Список литературы

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1836. Т. 4.
2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи археографической экспедицией императорской Академии Наук. 1645-1700. СПб., 1836. Т. 4.
3. Андреев И. Л. Алексей Михайлович. М.: Молодая гвардия, 2003. 638 с.
4. Буровский А. М. Рождение Российской империи. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005.
5. Введенский В. Протопоп Даниил // Богословский вестник. 1913. № 4. С. 486-490.
6. Гиббенет Н. А. Историческое исследование патриарха Никона. СПб., 1884. Т. 2. 236 с.
7. Деяния Собора 1649 г. // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1894. Кн. 4.
8. Житие Григория Неронова // Материалы для истории раскола за первое время его существования / ред. Н. И. Субботина. М., 1879. Т. I. 456 с.
9. Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. М., 1960. 231 с.

10. Зеньковский С. А. Русское старообрядчество: духовные движения XVII в. М.: Квадрига, 2009. 688 с.
11. Иловайский Д. И. Отец Петра Великого. М.: Чарли, 1996. 622 с.
12. Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. Т. 1.
13. Лихачев Д. С. Предвозрождение на Руси в конце XIV – первой половине XV века // Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы. М., 1967. 195 с.
14. Максим Грек. Сочинения. М.: Изд-во Московской патриархии, 1999. 234 с.
15. Материалы для истории раскола за первое время его существования / ред. Н. И. Субботина. М., 1879. Т. I. 345 с.
16. Панченко А. М. Русская история и культура: работы разных лет. СПб.: Юна, 1999. 520 с.
17. Платонов С. Ф. Москва и Запад. Берлин, 1926. 155 с.
18. Преображенский А. В. Вопрос о единогласном пении в русской церкви XVII в. М., 1904. 175 с.
19. Румянцев В. С. Кружок Стефана Вонифатьева // Общество и государство феодальной России. М., 1975. 180 с.
20. Румянцев В. С. Ртищевская школа // Вопросы истории. 1983. № 5. С. 182-183.
21. Смирнов С. Древнерусский духовник. М., 1913. 290 с.
22. Черных В. Д. Государственная политика по отношению к Русской Православной Церкви в положениях Соборного Уложения 1649 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11). Ч. IV. С. 210-213.
23. Черных В. Д. Особенности взаимоотношений Русской православной Церкви и государственной власти в период идейного кризиса Московского царства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 5. Ч. I. С. 202-204.
24. Черных В. Д., Быковская Г. А., Злобин А. Н. Проблемы взаимоотношений государства и Церкви: историография церковного раскола XVII в. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2011. С. 198-202.

PRIORITIES OF SPIRITUAL RENAISSANCE OF MORAL PRINCIPLES IN MOSCOW RUSSIA IN ACTIVITY OF ZEALOTS OF PIETY (IN THE XVII CENTURY)

Chernykh Vladimir Dmitrievich, Ph. D. in History
Voronezh State University of Engineering Technologies
Cher_Vladd@rambler.ru

The article considers the history and activity of the circle of Zealots of Piety that existed in the 40-60s of the XVII century, its aim, objectives, structure, specific actions, the importance and role of the ancient piety adherents in church and social life of Russia in the XVII century. Particular attention is paid to the consideration of the peculiarities of relations between the participants of the circle and the government.

Key words and phrases: Orthodox Church; relations between church and state; Zealots of Piety; Patriarch Nikon; Patriarch Joseph; Avvakum; John Neronov; church reform; polyphony.

УДК 327:346.548(5-11)(47+57)

Политология

В статье рассматриваются перспективы создания системы обеспечения безопасности в Восточной Азии на основе взаимовыгодного сотрудничества между РФ и КНР. Выделены риски для обеих стран в сфере безопасности. Обозначены задачи, которые следует решить двум государствам в этой области для сохранения собственного суверенитета и национальных интересов. Показано, что процесс сотрудничества и взаимодействия двух государств в различных направлениях является хорошей базой для построения многосторонней системы региональной безопасности.

Ключевые слова и фразы: регион; процесс сотрудничества; региональная безопасность; Восточная Азия; система обеспечения безопасности; многостороннее взаимодействие.

Шараев Павел Сергеевич, к.и.н.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет
sharaevp@rambler.ru

СОТРУДНИЧЕСТВО КИТАЯ И РОССИИ КАК ОСНОВА СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ®

В современном мире Восточная Азия играет исключительно важную роль с точки зрения обеспечения глобальной международной безопасности. Данный район земного шара сейчас особенно бурно развивается, и это определяет его уникальное положение в системе глобальных политических и экономических отношений. Именно здесь пересекаются и сталкиваются главные геополитические интересы таких крупных мировых держав, как США, Япония, Россия и Китай. От сложившейся в регионе системы безопасности во многом зависит решение главной проблемы, стоящей перед мировым сообществом, – всеобщей безопасности.